

Очень злой гений СТО ЛЕТ ФАНТОМАСУ

Михаил Трофименков

ПРЕМЬЕРА первого фильма о Гении Зла «Фантомас. В тени гильотины», поставленного гением тогдашних сериалов Луи Фейадом, состоялась 9 мая 1913 года в «Гомон-Паласе» на парижской площади Клиши, самом большом кинотеатре мира. Другой зал был просто не по чину герою 32 романов Пьера Сувестра и Марсея Аллена, публиковавшихся с января 1911 года до скоростной смерти Сувестра в феврале 1914 года — в поэтическом, тридцатисемилетнем возрасте Пушкина, Байрона и Рембо. С легкостью пушкинского Импровизатора из «Египетских ночей», байронической сумрачностью и вдохновенной невнятистью Рембо соавторы-журналисты производили на диво безобразно — даже на общем фоне бульварной литературы — написанные тексты.

«Тиражи наших книг едва ли не превышали тиражи Библии», — скромно отметил Аллен. Сказать нечто подобное — дескать, мы теперь известнее Иисуса Христа — позволят себе лишь битлы полвека спустя, и сколько будет шума. Насчет тиражей Аллен, конечно, загнул: Библию перегонит только «Красная книжечка» председателя Мао. Но Фантомас — фильмы Фейада утвердили его в этом статусе — действительно стал «вечным спутником» человечества, культурной иконой, как битлы и Мао. Как и положено «человеку без лица», у него тысячи личин и обличей. Жино Старас, иллюстратор первых романов о Фантомасе, изобразил его гигантом во фраке, цилиндре и полумаске, перешагивающим через игрушечный Париж. Беда в том, что художник, то ли забавляясь, то ли недолго думая, перерисовал рекламный плакат, на котором исполин дер-

жал в руке не окровавленный кинжал — на киноплакате цензура разоружила Фантомаса, и он, словно споткнувшись, судорожно хватался рукой за воздух, — а кулек, из которого на Париж сыпались чудодейственные пилюли «Pink» от анемии. Казалось бы, одна эта деталь должна не то что лишить Фантомаса любой романтической ауры, а превратить в посмешище, однако ж, нет.

Фантомас — это и клоун с лиловой, словно денатурантой обпился, харей, издевательски скрывающей красоту Жана Маре в пародийных фильмах Андре Юнебеля середины 1960-х, и первый рыцарь антиглобализма из новеллы Хулио Кортасара «Фантомас против транснациональных вампиров» (1975). В радиоспектакле «Жалоба Фантомаса» (1933), поставленном поэтом-сюрреалистом Робером Десносом, он говорил голосом безумного и великого Антонена Арто, проповедника «театра жестокости», и жаловался на судьбу под музыку революционера Курта Вайля. В упоительном 17-минутном шедевре бельгийского сюрреалиста Эрнста Мёрмана «Мсье Фантомас» (1937) он, когда на него наваливается полдюжины шпииков, вообще превращается в контрабас. Впрочем, еще в 1915 году Хуан Грис написал кубистический натюрморт «Фантомас (трубка и газета)».

Фантомас — всеобъемлющая буддистская сущность. Собственно говоря, такую его природу сформулировали уже Сувестр и Аллен чуть ли ни в первых строках своего эпоса. «Фантомас! — И что же это значит? — Ничего. А может, все! — Однако! А кто это такой? — Никто не знает... Но тем не менее он существует!» Понятно, что соавторы это сочинили ради красного слова,

но оказались ведь пророками. Остается понять, за что Фантомас заслужил такую долгую счастливую жизнь.

При рождении в нем не было ничего уникального. Так, один из многих бульварных героев, о которых тоже снимали фильмы с продолжениями. В 1905 году Морис Леблан придумал джентльмена-грабителя Арсена Люпена. В 1907 году Гастон Леру — журналиста Жозефа Рулетабиля. В 1909 году Леон Сази — разбойника Зигомара. В 1917 году Артюр Берну — мстителя Жюдекса. И это звезды только французской бульварщины — как любая бульварщина, не оригинальной, а апеллирующей к известным образам, от Эдмона Дантеса до Шерлока Холмса и Мориарти.

Однако же литературные конкуренты Фантомаса благополучно забыты, за исключением Люпена. Но у него, что существенно для психологии французской культуры, аура анархиста: Леблан вдохновлялся реальным «революционным вором» Мариусом Жакобом. Современные французские исследователи, разгадывая секрет бессмертия Фантомаса, тоже любят приводить социологические аргументы. Дескать, оцените, как топографически точно Сувестр и Аллен запечатлели Париж апашей, шпаны с пролетарских окраин, прислужников Фантомаса. И пускаются в рассуждения о том, что апаши — воплощенный кошмар буржуазии «прекрасной эпохи» и соавторы это использовали.

Ну и что? Мало ли, кто, кого, когда боялся. О Париже апашей много кто писал. Было — да сплыло. Через год вообще мировая война нагонит такой жути, что буржуазии будет впопору взгрустнуть о милых апахах.